

Страна
Фантазия

Я был по-настоящему счастлив. Тот, кто пережил длительную и тяжелую болезнь и наконец почувствовал себя вновь здоровым, наверное, поймет мое состояние. Меня радовало все: и то, что мне не дали инвалидности, а предоставили на работе длительный отпуск для окончания диссертации, которую я начал писать задолго до болезни, и то, что впереди отдых в санатории, избавляющий от необходимости думать сейчас над этой диссертацией, и комфорт двухместного купе, и то, что моим попутчиком оказался симпатичный паренек, а не какая-нибудь капризная бабенка. Кроме того, меня провожала женщина, которую я горячо и искренне любил. Мне льстило, что она, такая красивая, не обращая внимания на восхищенные взгляды пассажиров, держит меня за руку, как девочка, боящаяся потерять в толпе отца. Впрочем, ее легко было понять. Сначала — эти долгие месяцы болезни, а теперь, когда все уже позади, — разлука.

— А вы далеко едете? — обратилась она к моему попутчику.

— До Kisловодска.

— Вот как? Значит, вместе до самого конца. — Она пустила в ход свою улыбку, перед которой не мог устоять ни один мужчина. — Тогда у меня к вам просьба: присмотрите за моим... мужем. — Она впервые за все время, что мы были с ней близки, употребила это слово, и меня поразило, как просто и естественно у нее оно прозвучало. — Он еще не вполне оправился от болезни, — добавила она.

— Не беспокойтесь! — Он тоже улыбнулся. — Я ведь почти врач.

— Что значит «почти»?

— Значит, не Гиппократ и не Авиценна.

— Студент?

— Пожалуй, это верно. Вечный студент с дипломом врача.

Он вышел в коридор и деликатно прикрыл за собой дверь, чтобы не мешать нам.

— Вероятно, какой-нибудь аспирант, — шепнула она.

...Пришло время обедать, и мой сосед по купе предложил идти в вагон-ресторан.

Вот тут-то, за обедом, я начал без удержу болтать. Уже мы давно пообедали, официант

демонстративно сменил скатерть на столике, а я все говорил и говорил.

Мой компаньон оказался идеальным слушателем. Вся его по-мальчишески угловатая фигура, зеленоватые глаза с выгоревшими ресницами, и даже руки, удивительно выразительные руки с тонкими длинными пальцами, казались олицетворением напряженного внимания. Он не задавал никаких вопросов, просто сидел и слушал.

В общем, я рассказал ему все, что было результатом долгих раздумий в бессонные ночи. О том, что в тридцать пять лет я почувствовал отвращение к своей профессии и понял, что мое истинное призвание — быть писателем, рассказал о пробах писать и о неудачах, о новых замыслах и о том, что этот отдых в санатории должен многое решить. Либо я напишу задуманную повесть, либо навсегда оставлю всякие попытки. Я даже рассказал ему сюжет повести. Непонятно, отчего меня вдруг так прорвало. Ведь все это было моей тайной, которую я не поверял даже любимой женщине. Слишком много сомнений меня одолевало, чтобы посвящать ее в свои планы. Разочарование, если оно меня постигнет, я должен был пережить один. Кстати, это все я ему тоже высказал.

Наконец я выговорился, и мы вернулись в купе. Тут у меня наступила реакция. Стало стыдно своей болтливости, обидно — предстал перед совершенно посторонним человеком в роли фанфарона и глупца.

Он заметил мое состояние и спросил:

— Вы жалеете, что обо всем этом рассказали?

— Конечно! — горько ответил я. — Разболтался, как мальчишка! Не помню, кто сказал, что писателем может быть каждый, если ему не мешает недостаток слов или, наоборот, их обилие. Боюсь, что многословие — мой основной порок. Сюжеты у меня ерундовые, на короткий рассказ, а стоит сесть писать, как я настолько закручиваюсь в несущественных деталях, что все превращается в тягучую жвачку из слов. Вот и сейчас...

Он вынул из кармана какую-то коробочку.

— Я обещал вашей жене... Словом, примите таблетку. Как раз то, что вам сейчас нужно.

Видимо, гримаса, которую я скорчил, была достаточно выразительной.

— Вы правы, — сказал он, пряча обратно коробочку. — Вся эта фармакопоя — палка о двух концах. Особенно транквилизаторы, хотя я сам к ним иногда прибегаю. В этом отношении народные средства куда как надежней. Вот мы сейчас их и испробуем! — Он открыл свой чемоданчик и достал бутылку коньяку. — Армянский высших кондиций! Погодите, я возьму у проводницы стаканы.

Меньше всего он походил на врача, какими я привык их видеть, особенно когда с торжествующим видом вернулся, неся два стакана.

— Вот! — Он плеснул мне совсем немного, а себе наполнил стакан примерно на одну треть. — Согреейте предварительно в ладонях. Специалисты это называют «оживить напиток». Теперь пробуйте!

— Странно! — сказал я. — Если бы вы знали, сколько пришлось выслушать наставлений по этому поводу. «Ни капли алкоголя», — все в один голос, а когда выписывали из больницы...

— Э, пустяки! — Он небрежно махнул рукой. — В медицине множество формальных табу. Алкоголизм — социальное зло. Злоупотребление алкоголем дает тяжелые последствия, для некоторых это повод объявить его вообще вне закона. А ведь в иных случаях он незаменим. Вот вы глотнули, и все прошло. Правда?

У него был такой серьезный вид, что я невольно рассмеялся.

— Правда! Но что будет потом?

— А я вам больше не дам, так что ничего потом и не будет.

Он с видимым удовольствием отхлебнул большой глоток.

— Опять же, для кого как, — продолжал он, разливая напиток на свет. — Вот один от кофе не спит, а другому он помогает заснуть. Человеческий мозг — хитрая штука. Вечное противоборство возбуждения и торможения. Кора и подкорка. В каждом отдельном случае нужно знать, на что и как воздействовать. Вот в вашем состоянии алкоголь успокаивает. Что, не так?

— Так. Но откуда вы это знали наперед?
— Ну, иначе я был бы плохим психиатром.
— Ах, так вы психиатр?
— Почти.

С непривычки у меня немного закружилась голова. Вагон приятно покачивало, и от всего этого я чувствовал удивительную успокоенность.

— Что значит «почти»? — лениво спросил я. — Давеча вы сказали, что почти врач, сейчас — почти психиатр. А если точнее?

— Точнее — психофизиолог.

— Что это такое?

— Как вам объяснить? Вот если бы вы прочли мою диссертацию...

Мне стало смешно.

— Мы, признаться, приняли вас за молоденького аспиранта, а вы, оказывается, уже кандидат.

— Доктор медицинских наук, — поправил он меня. — Впрочем, это к делу не относится. Вы хотели знать, что такое психофизиология?

— Да.

— В двух словах рассказать это очень трудно, а вдаваться в подробности вряд ли есть смысл. Постараюсь ограничиться примитивным примером. Вот вы сейчас глотнули коньяку, и ваше психическое состояние как-то изменилось. Верно?

— Верно.

— Это искусственно вызванное изменение. Однако в человеческом организме имеются внутренние факторы, воздействующие на психику, например гормоны. Гормональной деятельностью управляет вегетативная нервная система. Существует множество прямых и обратных связей между мозгом и всем организмом. Это некое целое, которое следует рассматривать только в совокупности. Словом, психофизиология, вернее, тот ее раздел, которым я занимаюсь, — наука, изучающая влияние состояния организма на психику и психики на организм.

— Вот, к примеру, желчный характер, — сказал я. — Это, видимо, неслучайное явление? Вероятно, когда выделяется желчь...

— Конечно! Хотя все обстоит гораздо сложнее. Иногда бывает трудно отделить причину от следствия. То, что принято считать следствием, часто оказывается причиной, и наоборот. Тут еще непочатый край работы.

Он опять отпил глоток и задумался.

Я глядел в окно. Чувствовалось, что мы ехали на юг. Вместо подлесков с кое-где сохранившимся снегом пошли зеленеющие поля. И земля, и небо, и солнце были уже какими-то другими. Меня снова начали мучить сомнения. Сумею ли я доказать себе самому, что не лишен литературного дарования? Сейчас сюжет повести, который я рассказал постороннему человеку, казался мне мелким и не заслуживающим внимания.

— А ведь я бы мог вам помочь, — неожиданно сказал мой попутчик. — У меня есть занятый сюжет для романа. События, которые можно положить в основу, произошли на самом деле. Это не выдумка, хотя многое выглядит просто фантастично. Хотите, расскажу?

— Конечно! — ответил я. — С удовольствием послушаю, хотя, по правде сказать, не уверен, что смогу даже из самого лучшего сюжета...

— Это уже ваше дело, — перебил он. — Я только должен предупредить, что есть такое понятие, как врачебная этика. Поэтому кое о чем я должен умолчать. В частности, никаких имен. Вам придется их придумать самому, а в остальном... Впрочем, слушайте.

Вся эта история начинается в клинике известного ученого. Будем его называть просто профессором. Вам придется дать ему какую-то характеристику. Только, пожалуйста, не делайте из него ни сусального героя, ни маньяка из фантастического романа. Это очень сложный и противоречивый характер. Великолепный хирург. Ученый с широким кругозором. Вместе с тем человек болезненно честолюбивый и упрямый, к тому же знающий себе цену. Внимательный и отзывчивый по отношению к больным, но часто неправданно грубый с подчиненными. Если хотите, можете по своему усмотрению наделить

его еще какими-то качествами, это уже несущественно.

Можете также написать, что его работы по преодолению барьера биологической несовместимости тканей вывели клинику, которой он руководит, на новый и очень перспективный путь.

Дальше вам придется представить себе отделение трансплантации органов в этой клинике. От вас не требуется знания техники дела, но нужно почувствовать особую атмосферу, царящую там. Постоянное напряженное ожидание. Никто не знает, когда это может случиться. Может, через час, а может, через месяц. Не думайте только, что все они обречены на безделье. Параллельно идет большая работа в лаборатории. Проводится множество опытов на животных. Каждый опыт рождает новые планы, надежды и, конечно, разочарования.

Профессор напролом идет к поставленной цели — трансплантации мозга. Уже проделаны десятки опытов на крысах и собаках. Однако все делается не так быстро, как может показаться. Проходят годы. Наконец — решающий эксперимент. Мартышка с пересаженным мозгом живет и здоровует. Возникает вопрос: что же дальше? Наука не может останавливаться на полпути. Будет ли такая операция проделана на человеке? Вы, наверное, знаете настороженное отношение к трансплантации вообще, а тут ведь речь идет об эксперименте, связанном с новыми моральными и этическими проблемами. Профессор атакует одну инстанцию за другой, но никто не говорит ни «да», ни «нет».

Между тем, время идет, клиника успешно производит пересадки почек, сердца и легких, продолжается работа и в лаборатории над главной темой, но все дальнейшее остается неясным.

Это, так сказать, прелюдия.

И вот однажды «Скорая помощь» почти одновременно доставляет двух человек. Оба в бессознательном состоянии, оба подобраны на улице. Первый — безо всяких документов. Неизвестен ни возраст, ни фамилия, ни адрес, ни профессия. Диагноз: обширный инфаркт легких. Положение практически безнадежное. Второй — преподаватель вуза, тридцати трех лет, холост — жертва несчастного случая. Открытая травма черепа с ранением мозга и глубоким кровоизлиянием. Тоже не жилец. Поражены участки, ответственные за жизненно важные функции. Оба лежат на реанимационных столах, два живых трупа, в которых поддерживается некое подобие жизни за счет искусственного кровообращения и дыхания. Однако если первой — безусловный кандидат в морт, то первого можно попытаться спасти. Пересадка легких от второго. Такое решение принимает профессор.

Все готово к операции, но начать ее нельзя. Вы не представляете, какими ограничениями связан в этих случаях врач.

Во-первых, на такую операцию нужно согласие больного либо его родственников и уж во всяком случае согласие родственников донора.

Во-вторых, пересаживаемые органы можно взять только у мертвого, и пока в теле донора теплится хоть какое-то подобие жизни, врач обязан принимать все меры к ее поддержке. За это время другой может умереть.

В-третьих... Впрочем, что там «в-третьих»! Можно без конца перечислять всяческие проблемы, с которыми сталкивается в это время хирург, но самая гнусная из них — это напряженное ожидание смерти больного. Остановка сердца, клиническая смерть, высокочастотные разряды в область миокарда, снова чуть заметные пульсации, опять остановка, на этот раз разряды не помогают. Остается последнее средство: вскрытие грудной клетки и массаж сердца. Эта последняя мера дает результаты, хотя совершенно ясно, что ненадолго. Однако тут выясняется одна подробность, которая все сводит на нет. Туберкулезные каверны в легких.

Есть много людей, больных туберкулезом и не подозревающих об этом. Их организм выработал какие-то средства поддержания болезни в равновесии, так что она не прогрессирует. Но ни один врач не решится переса-

дить пораженный туберкулезом орган другому человеку.

В общем, можно было снимать перчатки и отправлять в морт два трупа.

Я не зря обратил ваше внимание на особенности характера этого... профессора. Без них не понять того, что произошло дальше.

Мгновенно было принято другое решение: пересадка мозга. При этом, заметьте, без соблюдения всяких формальностей. Звонить в Москву и добиваться разрешения уже было некогда. По правде сказать, даже нет уверенности, что тут были соблюдены те нормы, о которых я уже упоминал.

— На что же он рассчитывал? — спросил я.

— Трудно сказать. Прежде всего, конечно, на успех. Люди такого склада, когда их обуревают какая-то идея, просто не желают считаться с возможностью неудачи. В таком деле всегда кто-то должен быть первым и взять риск на себя. Кроме того, он, видимо, справедливо полагал, что лучше один труп, чем два. А вообще, он, думаю, мне, действовал скорее импульсивно, чем рассудочно. Уж больно мало времени осталось для всяких рассуждений.

Вы можете воздержаться от описания самой операции. Дело это до крайности тонкое, растягивается на несколько этапов и для непосвященного читателя вряд ли может представлять интерес. Да и вы, наверняка, наврали бы с три короба. Для писателя гораздо важнее психологические коллизии, а их тут хоть отбавляй!

Итак, операция сделана. На следующее утро жена донора разыскала следы через справочную «Скорой помощи» и опознала его в морге. Ей сказали, что он умер от инфаркта легких, что, конечно, соответствовало действительности. Естественно, что в остальные подробности ее не посвятили. Это было бы для нее слишком сильным ударом. Он оказался журналистом, двадцати пяти лет от роду. Прожили они вместе всего год и очень любили друг друга. Поверьте, что самое трудное в нелегкой профессии врача — разговаривать с близкими умершего пациента. Даже если он сделал все, что в его силах, все равно такое чувство, что в чем-то виноват. Поэтому простим профессору, что он не стал с ней говорить сам, а послал своего ассистента. Даже самые смелые люди иногда проявляют малодушие. Кроме того, не нужно забывать, что оставался еще тот, второй, за которого профессор нес ответственность не только перед обществом, но и перед своей совестью. Тут поводов для беспокойства было более чем достаточно.

Что, собственно говоря, было известно из предыдущих опытов? Что у животных с пересаженным мозгом сравнительно быстро восстанавливаются двигательные функции, чувство равновесия, что условные рефлексы, выработавшиеся у донора, в большинстве своем исчезают после пересадки, но восстанавливаются быстрее, чем вырабатываются у экспериментальной контрольной группы, что особи с пересаженным мозгом вполне жизнеспособны. Вот, пожалуй, и все. Вряд ли этого достаточно, чтобы прогнозировать поведение человека после такой операции. Тут есть очень много факторов, которые на животных не проверить. Что остается в памяти, а что полностью стирается? Что надолго, а может быть навсегда, вытесняется в подсознание? Наконец, даже речь. Ведь она тоже — результат обучения. Характер. Я уж говорил, что деятельность мозга невозможно рассматривать в отрыве от организма в целом. Неисчислимо количество путей взаимодействия, большинство которых остается еще загадкой. Словом, человека с пересаженным мозгом нельзя считать неким симбиозом чьей-то индивидуальности с другим телом. Это совершенно новый индивид. Как видите, сомнений больше, чем уверенности.

Однако операция сделана. В постели — человек. Он дышит, реагирует на свет, глотает жидкую пищу, у него работает кишечник, почки и... ничего больше. Идут недели, месяцы, его учат ходить. Он даже выучивает несколько слов. Что же дальше? Дальше — надежда, что поможет время. Время идет. Он делает кое-какие успехи. С трудом, но разговаривает. Учится читать. Прощлое свое не помнит. Проходит год. Он свободно раз-

говаривает, читает, пишет. Восстанавливается все, кроме памяти о прошлом. Все попытки ее пробудить остаются безрезультатными. Ему объясняют, что он перенес тяжелую травму мозга, вызвавшую полную амнезию. Он это понимает. Проходит еще какое-то время и больничная обстановка начинает его тяготить.

Возникает вопрос: что с ним делать? По документам он — преподаватель вуза, но, сами понимаете, ни о какой профессиональной пригодности в этой области не может быть и речи. От журналиста в нем тоже ничего не осталось. Учиться заново? Об этом еще рано говорить. Переводить на инвалидность — значит внушить ему, что он неполноценен, и оборвать уникальный эксперимент в самой решающей фазе. Нужно дать ему возможность встречаться с людьми, ходить в театр, кино, держа его все время под неослабным наблюдением специалистов.

Я забыл упомянуть, что у этого преподавателя была возлюбленная. После произошедшего с ним несчастного случая она все время требовала, чтобы ей разрешили его навещать. Обращалась даже в горздрав, но профессор категорически запретил всякие посещения. В то время, кроме вреда, это ничего бы не принесло. Однако теперь ситуация была иной. Ей разрешили свидание. Он ее, конечно, узнать не мог, но появление свежего человека из недоступного ему мира очень его обрадовало. Кроме того, она ему определенно понравилась. Это была красивая, обаятельная женщина.

Ей разрешили приходить каждый день. Они подолгу разговаривали. Она рассказывала ему о его прошлой жизни, и бедняге даже казалось, что он начал кое-что вспоминать.

В конце концов она попросила разрешения взять его к себе. Профессор согласился на это. Все складывалось неплохо. У нее не было никаких сомнений относительно того, что она берет к себе близкого человека, попавшего в беду, материальных затруднений не предвиделось, у этого преподавателя были сбережения, а клиника имела возможность держать его на больничном листе неопределенно долгое время. Перемена же обстановки была ему просто необходима. Что же касается морального аспекта всей этой истории, то, как говорится, снявши голову, по волосам не плачут. Тем более, что оба они были несомненно счастливы. Оставалось только ждать, что будет дальше.

К сожалению, дальше все шло не очень ладно. То ли у него действительно начала пробуждаться память, то ли что-то из прошлой жизни журналиста было попросту вытеснено в подсознание, но так или иначе, он стал уходить из дому и часами простаивал на лестнице возле квартиры, где этот журналист раньше жил. Его возлюбленная, естественно, встревожилась. Она даже обращалась за советом к профессору, но что он ей мог сказать?

Наконец, случилось то, что должно было случиться. Он встретил свою жену.

Я уже говорил, что они очень любили друг друга. Любовь! Сколько томов о ней написано, и все же как мало она изучена! О, черт! — Он прервал свой рассказ и потянул за бутылку. — Не будем ханжами! Право, вам еще один глоток не повредит. Ведь вы, так сказать, под наблюдением врача.

— Откуда вам известна вся эта история? — спросил я.

— Я... — он запнулся. — Меня несколько раз приглашали на консультацию к этому больному. Так что, продолжать?

— Пожалуйста!

— Значит так. Они встретились. На него это произвело ошеломляющее впечатление. Видимо, ее образ все же где-то хранился в глубинах памяти. Он-то считал это любовью с первого взгляда.

— А она?

— Что ж она? Для нее это был посторонний человек, видимо, не в ее вкусе, к тому же еще не изгладились воспоминания о погибшем муже, так что она на него просто не обратила никакого внимания. Он начал ее преследовать. Поджидал у проходной, у дома, заговаривал в метро, а если мужчина очень настойчив, то рано или поздно... Словом, все

шло по извечным и непреложным законам. Не судите ее строго. Совсем еще молодая женщина, остро переживающая одиночество. Кроме того, ей казалось, что в этом назойливом поклоннике есть что-то напоминающее человека, которого она любила. Конечно, не внешность. Просто нечто в характере, манере говорить, в десятках мелочей, из которых и складываются индивидуальные черты.

— Но ведь была еще та, которая взяла его из клиники, он что, ушел от нее? — спросил я.

— В том-то и дело, что — нет. Он ее тоже любил. Здесь в описании их отношений от вас потребуется большой такт. Нужно понять его психологию. Это не вульгарный любовный треугольник. Это... трудно объяснить... Точно так же, как в нем было два человека, так и они обе... Нет, не то! Скорее — одна женщина в двух ипостасях, духовной и телесной. Вот именно! Обе они слились для него в единый образ, расчленив который было уже невозможно. Может быть, специалист уловил бы тут начало психического заболевания, но все ли другие литературные герои, строго говоря, психически здоровы? Рогожин, Мышкин, Настасья Филипповна, Раскольников, Кармазовы... Уфф!

Он вытасил свою коробочку и отправил в рот таблетку. Вид у него был скверный, глаза блуждали, лоб покрылся потом. Кажется, мне с ним предстояло поменяться ролями. Не хватало только, чтобы теперь я его успокаивал. Однако эта история заинтересовала меня все больше и больше.

— Скажите, — спросил я, — этот второй преподаватель, он что преподавал?

— Какое это имеет значение?! Пусть хоть физиологию. Я ведь вам излагаю сюжет, а не...

— Продолжайте! — сказал я. — Сюжет действительно занятный.

— Хорошо! Значит, эти две женщины. Ни та, ни другая с таким положением мириться не желала. Разыгрывался последний акт трагедии, в которой главные участники не знали своей истинной роли. Я не зря упомянул о начале психического заболевания. У мозга защитные реакции. Когда ситуация становится невыносимой, человек нередко уходит в вымышленный мир, реальность подменяется бредом. У специалистов это носит специальное название, но вы можете пользоваться термином «умопомешательство». Особый вид его, когда человек представляется себе кем-то другим. Итак, в финале вашего романа не исключена психиатрическая лечебница.

— Невеселый финал, — сказал я. — Признаться, я ожидал другого конца, а не позитивного заключения в сумасшедшем доме.

— Почему позитивного? — возразил он. — У медицины есть достаточный арсенал средств лечения таких болезней. Вылечить всегда можно, нужно только устранить причину, а это — самое трудное. Можно, конечно, на время убрать больного из конфликтной обстановки, но, сами понимаете, в данном случае — это всего лишь временная мера. Есть более радикальный метод — рассказать больному правду, чтобы он знал причину заболевания, как бы посмотрел на себя со стороны. Может быть, даже сам поведал потом об этом кому-нибудь... Однако тут накурено!.. Извините... больше не могу. Пойду в коридор.

Я подождал, пока за ним закроется дверь, налил подстакана коньяку и залпом выпил, потому что...

И как я мог не вспомнить раньше, что эту мальчишескую фигуру, облаченную в белый халат, эти внимательные зеленые глаза с выгоревшими ресницами я видел над своим изголовьем в клинике. Когда меня учили говорить. И потом, сквозь пелену бреда...

Становилось ясным многое. И то, что начатая до болезни диссертация казалась мне теперь китайской грамотой, и обуревавшее меня в последнее время стремление писать.

Впрочем, сейчас все это уже отходило на второй план. Важно было, что провожавшая меня женщина по праву назвала меня своим мужем.

Все остальное не имело значения, даже три месяца, которые предстояло провести в туберкулезном санатории.